Дата поступления рукописи в редакцию: 25.10.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 05.11.2025 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2025-10-193-199

РОМАНОВ Владимир Олегович,
студент,
e-mail: oleg_romanov_2003@bk.ru

БАЛАШОВ Константин Геннадьевич,
студент,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

Научный руководитель:
ЗАРУБИНА Кристина Александровна,
к.и.н.; к.ю.н., доцент кафедры
теории и истории государства и права,
e-mail: kris1996z@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ

Аннотация. *Предметом исследования выступает семантическая структура нормативных правовых актов Российской Федерации в контексте цифровой трансформации правового регулирования. Анализируются системные дефекты языкового уровня законодательных текстов, включая содержательную неопределённость терминов, несистемное употребление синонимов, нерефлексивное смешение различных видов юридических понятий и редукцию сложных терминологических конструкций. Особое внимание уделяется исследованию легальной дефиниции «цифровая валюта» как репрезентативного примера современных вызовов юридической терминологии в условиях развития цифровых финансовых активов.*

Методологическую основу составляет процедура юрислингвистического семантического анализа, интегрирующая достижения формальной логики, модальной семантики, теории юридических фактов и отечественной герменевтики права. Применяются методы семантической декомпозиции, компонентного анализа, онтологического моделирования и прагматической валидации.

Научная новизна заключается в разработке направления совершенствования методики семантического анализа нормативных текстов, обеспечивающей выявление латентных противоречий и терминологических лакун. Сформулированы конкретные предложения по редакционной корректировке легального определения цифровой валюты, направленные на устранение выявленных семантических недостаточностей и обеспечение единообразия судебного толкования.

Ключевые слова*: семантический анализ, нормативный правовой акт, юридическая терминология, цифровая валюта, правовая определённость, юрислингвистика, онтологическое моделирование.*

Финансирование*: «Публикация подготовлена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030»»*

ROMANOV Vladimir Olegovich,
student

BALASHOV Konstantin Gennadievich,
student

Scientific supervisor:
ZARUBINA Kristina Alexandrovna,
Ph.D.; Ph.D., Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law

SOME ASPECTS OF SEMANTIC ANALYSIS OF REGULATIONS

Annotation. *The subject of the study is the semantic structure of regulatory legal acts of the Russian Federation in the context of the digital transformation of legal regulation. System defects of the language level of legislative texts are analyzed, including the content uncertainty of terms, non-systemic use of synonyms, non-reflexive mixing of various types of legal concepts and reduction of complex terminological constructions. Particular attention is paid to the study of the legal definition of "digital currency" as a representative example of modern challenges to legal terminology in the context of the development of digital financial assets.*

The methodological basis is the procedure of jurislinguistic semantic analysis, integrating the achievements of formal logic, modal semantics, the theory of legal facts and domestic hermeneutics of law. Methods of semantic decomposition, component analysis, ontological modeling and pragmatic validation are applied.

Scientific novelty lies in the development of a direction for improving the methodology of semantic analysis of normative texts, which ensures the identification of latent contradictions and terminological gaps. Specific proposals are formulated for editorial adjustment of the legal definition of digital currency, aimed at eliminating the identified semantic shortcomings and ensuring uniformity of judicial interpretation.

Key words: *semantic analysis, normative legal act, legal terminology, digital currency, legal certainty, legal linguistics, ontological modeling.*

Funding: *"The publication was prepared as part of the development program of the FSBEI HE "South-West State University" of the project "Priority 2030""*

Современное развитие правового регулирования Российской Федерации характеризуется устойчивой цифровой трансформацией, заключающейся, в частности, в переводе процедур нормотворчества и правоприменения в электронную форму. Эта трансформация усиливает необходимость методологически выверенного семантического анализа нормативных правовых актов, поскольку традиционные методы ручного толкования уже не в полной мере удовлетворяют требованиям принципов правовой определённости и предсказуемости правовых последствий [1, с. 106]. Возрастание объёма нормативного массива порождает угрозу потери управляемости правовой системой, что объективно выводит проблему машинно-поддерживаемого анализа текста актов на первый план правовой науки.

Под семантическим анализом в настоящем исследовании понимается совокупность теоретических и прикладных методов выявления и интерпретации значений юридически значимых языковых единиц, используемых законодателем для фиксации диспозиций, гипотез и санкций [2, с. 84]. В отличие от классической лингвистической семантики, ориентированной на соотношение знака и значения, правовой семантический анализ должен учитывать волю публичной власти, социальные ценности, охраняемые нормой, и ожидаемое поведение адресатов регулирования. Таким образом, речь идёт о межотраслевом подходе, соединяющем достижения юридической доктрины, прикладной лингвистики и информатики.

Нормативные правовые акты образуют многоуровневую систему, основанную на принципах субординации и координации, что предопределяет наличие устойчивых вертикальных и горизонтальных связей между нормами. Каждая новая формулировка вступает во взаимодействие с ранее принятыми правилами поведения, а потому семантическая оценка отдельной статьи без учёта системного контекста способна породить неполное или искажённое толкование. Научно обоснованный анализ обязан охватывать весь комплекс взаимосвязанных актов, включая судебную практику, которая выполняет функцию уточнения и восполнения нормативного содержания.

Тексты актов характеризуются высокой терминологической насыщенностью и широким применением отсылочной техники, включающей внутритекстовые, межтекстовые и временные ссылки. Юридическая терминология часто подчинена отраслевым особенностям и изменяется в зависимости от предмета регулирования [3, с. 115]. В совокупности указанные факторы усложняют применение стандартных методов лингвистического разложения, требуя разработки специализированных алгоритмов, способных адекватно учитывать юридическую природу текста.

Семантический анализ обладает значительным практическим потенциалом. Он позволяет заблаговременно выявлять терминологические дубли, противоречия, неоправданную неопределённость формулировок и тавтологические обороты. Исправление подобных дефектов на стадии

подготовки проекта акта минимизирует риск коллизий в правоприменении, снижает транзакционные издержки субъектов хозяйственной деятельности и укрепляет доверие к правовой системе государства.

Чтобы этот практический потенциал был реализован на должном научном уровне и трансформировался в воспроизводимый алгоритм нормотворчества, необходим прочный методологический фундамент, обеспечивающий логическую верификацию и семантическую строгость разрабатываемых правовых конструкций.

Теоретическая основа предлагаемой методики опирается, прежде всего, на формальную логику как универсальное средство выявления противоречий и логических лакун в нормативном тексте [4, с. 17]. Операции силлогистического вывода и исчисления предикатов позволяют формализовать структуру нормы через разложение её на условие, диспозицию и санкцию, после чего каждое логическое звено проверяется на согласованность с остальными элементами системы законодательства [5, с. 44]. К этому каркасу присоединяется семантика модальных высказываний, фиксирующая модусы «обязан», «правомочен» и «запрещено», что даёт возможность строго разграничить сферы действия дозволительных, обязательных и запретительных предписаний. Теория юридических фактов обеспечивает корреляцию формализованного текста с реальными жизненными обстоятельствами: классификация фактов-событий, фактов-действий и юридически значимых состояний уточняет объём гипотезы нормы и исключает смешение оснований её применения. Таким образом, взаимодействие формальной логики, модальной семантики и теории юридических фактов создаёт структурно целостную модель, способную выявлять скрытые коллизии, неоправданные обобщения и избыточные логические переходы внутри нормативного массива.

Наряду с указанными компонентами методика включает достижения отечественной герменевтики права, акцентирующей историко-культурную обусловленность терминов и понятий. Диахронический анализ показывает, что семантический объём ключевых юридических категорий («имущество», «вещь», «объект») изменялся в зависимости от социально-экономических условий и идеологических установок различных периодов, что необходимо учитывать при интерпретации действующих актов, в которых сосуществуют архаичные и современные формы языка [6, с. 124]. Для формализованного учёта таких сдвигов применяется онтологическое моделирование: сначала строится верхнеуровневая правовая онтология, содержащая базовые сущности (норма, субъект, объект, юридический факт), затем — отраслевые подонтологии, уточняющие специфику гражданского, уголовного, финансового и иных видов регулирования [7]. Иерархическая структура онтологии отражает субординационные и координационные связи между актами, фиксирует синонимы, контртермины и исторические эквиваленты, что обеспечивает единообразие терминологии и повышает точность последующего автоматизированного семантического анализа.

Семантическая корректность нормативно-правового акта является фундаментальной предпосылкой реализации принципа правовой определённости, предусматривающего предсказуемость поведения участников регулируемых общественных отношений и исключение произвольного усмотрения правоприменителя. Вместе с тем анализ действующего законодательства выявляет ряд системных дефектов языкового уровня, препятствующих достижению указанной цели и усложняющих как доктринальное толкование, так и практическую реализацию норм.

Наиболее распространённой проблемой выступает содержательная неопределённость терминов, выражающаяся в употреблении лексем, не наделённых чётко очерченным понятийным объёмом. Типичным примером является конструкция «исключительный случай». При отсутствии в тексте акта закрытого перечня квалифицирующих признаков указанный термин фактически теряет разграничительный потенциал и, следовательно, трансформируется в правовую фикцию, допускающую равноширокое применение к любому фактическому составу. Подобная неопределённость противоречит требованию формальной определённости и создаёт угрозу нарушений принципов равенства и недискриминации при правоприменении [8, с. 329].

Не менее серьёзным изъяном является несистемное употребление синонимов для обозначения одного и того же юридического явления. Отсутствие единообразия терминологического аппарата порождает коллизии интерпретационного характера, так как каждое альтернативное обозначение («сообщение» – «уведомление», «пошлина» – «сбор») способно быть квалифицировано правоприменителем как самостоятельная правовая категория. Негативный эффект усиливается при горизонтальных и вертикальных ссылках, когда различие словоформ трансформируется в сомнение относительно сферы действия нормы или объёма прав и обязанностей [9, с. 12].

Дополнительную сложность вносит нерефлексивное смешение разных видов юридических понятий, прежде всего «документ» и «правовое отношение», «документ» и «материальный объект». Так, слово «договор» на уровне позитивного права может трактоваться как письменный акт,

фиксирующий волеизъявление сторон, либо как сама сделка в её динамическом состоянии; аналогичным образом словосочетание «акт дипломатический» способно охватывать как бумажный документ, так и комплекс юридически значимых действий. Отсутствие чётких когнитивных границ между документом и процессуально-правовым явлением затрудняет квалификацию объектов гражданского оборота и формирование доказательственной базы, что в конечном итоге снижает эффективность судебного контроля [10, с. 101].

Отдельного внимания заслуживает проблема утраты части семантической нагрузки вследствие преднамеренного или непреднамеренного сокращения сложных терминологических конструкций. Законодатель, стремясь к лаконизму, нередко опускает качественные определения, заменяя выражения типа «федеральный бюджет» или «политическая партия» одинокими существительными «бюджет» и «партия». При отсутствии раннее введённой дефиниции или явного контекста подобная редукция разрушает различительные признаки понятия, что делает невозможным корректное разграничение полномочий и компетенций между органами публичной власти либо внутри гражданского оборота.

Для нивелирования обозначенных проблем правотворчества необходимо прибегать к системному юрислингвистическому семантическому анализу, реализуемому в форме регламентированной многоэтапной процедуры.

В качестве методологического ядра юрислингвистического семантического анализа целесообразно рассматривать поэтапную процедуру, ориентированную на строгие требования юридической техники и нормативной интерпретации. На первом этапе производится семантическая декомпозиция, заключающаяся в систематическом разложении высказывания на минимальные смысловые единицы определённого типа (семы, компонентные признаки, реляции). Такая декомпозиция проводится с учётом логико-грамматической структуры нормы: каждая выделенная компонентная единица соотносится с элементами её гипотезы, диспозиции или санкции, что обеспечивает корректное позиционирование фрагмента в иерархии правовых последствий.

Второй этап состоит в установлении значения каждого выделенного компонента. Исследователь опирается на нормативные дефиниции, отраслевые глоссарии, судебную практику и доктринальные источники, а также принимает во внимание параметры коммуникативной ситуации (сфера регулирования, субъектный состав, временной контекст). Наличие перекрёстных ссылок и терминологических корреспонденций определяет необходимость привлечения системных связей законодательства для уточнения лексического объёма.

Третий этап включает экспликацию значения, то есть явное вербализованное воспроизведение содержательного ядра посредством синонимического перефразирования. Перефраз формулируется в максимально нейтральной и юридически корректной форме, исключающей возможность расширительного либо ограничительного толкования по сравнению с исходным текстом.

Четвертый этап предполагает сопоставление полученного эксплицированного значения с легальным (или доктринально признанным) определением соответствующего термина. Если выявляется конгруэнтность, фиксируется факт нормативной выраженности содержания; при обнаружении расхождений формулируется вывод о латентности либо неполноте законодательно заданного смысла. Результаты сопоставления служат основой для последующего предложения редакторских изменений или для разработки официальных разъяснений, призванных восстановить требуемую степень формальной определённости и терминологической последовательности текста нормативного правового акта.

Пятым самостоятельным этапом предлагается внедрить процедуру прагматической валидации, ориентированную на эмпирическую проверку адекватности полученных семантических выводов через их сопоставление с устоявшейся правоприменительной практикой. На данной стадии осуществляется моделирование типовых фактических составов, а также аналитический обзор судебных актов, в которых исследуемый термин обладал квалифицирующим значением. Целью проверки является выяснение, обеспечивает ли установленное в ходе предыдущих этапов значение должный уровень единообразия толкования и предсказуемости правовых последствий. При констатации расхождений между теоретическим смыслом и реальной практикой разрабатываются предложения о редакционной доработке нормативного текста либо о необходимости официального разъяснения высшей судебной инстанции, что повышает системную согласованность законодательства и замыкает методологический цикл.

Для подтверждения практической эффективности указанной пятиэтапной процедуры требуется её эмпирическая апробация на конкретном нормативном материале, что позволяет сопоставить теоретические выводы с фактическими данными правоприменения.

Применение пятиэтапной юрислингвистической методики к легальной конструкции «Цифро-

вой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» (п. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») позволяет получить следующую научно обоснованную характеристику терминологической единицы.

I. Семантическая декомпозиция

Родовой признак

– «совокупность электронных данных (цифрового кода либо обозначения)».

Квалифицирующие признаки

1) Локализация – нахождение в информационной системе;
2) Функциональное назначение – предложение либо потенциальная возможность принятия:

– в качестве средства платежа;
– и/или в качестве объекта инвестирования;

3) Негативная квалификация – отсутствие признаков:

– денежной единицы Российской Федерации;
– денежной единицы иностранного государства;
– международной расчётной единицы;

4) Субъектная характеристика – отсутствие лица, обязанного перед обладателями по погашению (выкупу) цифровой валюты;
5) Исключение – на операторе (узлах) информационной системы лежат лишь технологические обязанности.

II. Установление значений выделенных компонентов

«Электронные данные» – информация, представленная в машиночитаемой форме и существующая исключительно в виде цифровых записей.

«Информационная система» – совокупность баз данных, средств и технологий, обеспечивающих хранение и обработку информации.

«Средство платежа» – инструмент, посредством которого исполняется денежное обязательство.

«Инвестиции» – размещение капитала с ожиданием экономической выгоды.

«Обладатель» – лицо, обладающее фактическим (криптографически обеспеченным) контролем над цифровым кодом.

III. Экспликация значения (синонимическое перефразирование)

Цифровая валюта – это нематериальный набор уникальных электронных записей, хранящихся в специализированной информационной системе, предназначенный для использования в расчётах либо как объект вложения, не признаваемый официальной валютой какого-либо государства и не порождающий обязательств эмитента, за исключением сугубо технических функций операторов системы.

IV. Сопоставление с легальной дефиницией и выявление лакун

1. Конгруэнтность:

– отсутствие эмитента и децентрализованность согласуются с рекомендациями FATF и регламентом ЕС MiCA.

2. Лакуны и расхождения:

– громоздкость формулы;
– неопределённость термина «совокупность» применительно к цифровым данным;
– слияние платёжной и инвестиционной функций затрудняет правовую квалификацию отдельных токенов.

V. Прагматическая валидация (проверка на материале судебной практики)

Исследование правоприменительного акта (№А40-124668/2017 Девятый арбитражный апелляционный суд 15 мая 2018 года) показывает, что суд квалифицируют цифровую валюту как «иное имущество» и включают её в конкурсную массу должника, подчёркивая при этом запрет на использование в расчётах за товары и услуги внутри РФ [11]. Установленное на предыдущих этапах значение подтверждается, но требует уточнения модуса «средство платежа» как сугубо фактической функции. Рекомендуется либо редакционная корректировка законодательно закреплённого определения, либо вынесение соответствующих разъяснений высшей судебной инстанцией, что обеспечит единообразие толкования и снизит риск произвольного правоприменения.

Предлагаем следующий вариант редакционной корректировки пункта 3 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»:

«3. Цифровая валюта — иное имущество, представляющее собой совокупность электронных данных в форме цифрового кода либо цифрового обозначения, существующих и обращающихся в распределённой информационной системе, которое:

1) не удостоверяет возникновения у какого-либо лица обязательств перед обладателем указанных данных, включая, но не ограничиваясь, обязательствами выкупа, погашения, обмена либо обеспечения их стоимости;
2) может отчуждаться обладателем путём совершения гражданско-правовых сделок, в том числе обмениваться на рубли, иностранную валюту либо иное имущество;
3) фактически применяется участниками гражданского оборота в качестве негосударственного средства взаимных расчётов или объекта инвестирования и не является законным средством платежа на территории Российской Федерации.».

Проведённое исследование демонстрирует объективную необходимость внедрения научно обоснованных методов семантического анализа в процесс нормотворчества и правоприменения в условиях экспоненциального роста объёма нормативного массива и усложнения юридической терминологии. Традиционные подходы к толкованию правовых норм, основанные на интуитивном понимании и субъективном усмотрении правоприменителя, более не соответствуют требованиям цифровой эпохи, характеризующейся стремительным развитием новых форм общественных отношений и необходимостью обеспечения транспарентности правового регулирования. Разработанная пятиэтапная методика юрислингвистического анализа создаёт методологический фундамент для систематического выявления и устранения семантических дефектов нормативных актов на стадии их проектирования.

Апробация предложенной методики на примере легальной конструкции «цифровая валюта» подтверждает её практическую применимость и эффективность в решении актуальных задач правотворчества. Выявленные в ходе анализа семантические недостаточности действующего определения свидетельствуют о системном характере проблемы терминологической неопределённости в сфере регулирования цифровых финансовых активов. Сформулированный вариант редакционной корректировки нормативной дефиниции обеспечивает необходимую степень формальной определённости и создаёт предпосылки для единообразного правоприменения, что особенно важно в условиях формирования новой цифровой экономики.

Список литературы:

[1] Нечаев, А. Ф. Логико-семантический анализ нормативных правовых актов, регулирующих обращение с радиоактивными отходами / А. Ф. Нечаев, В. В. Прояев // Известия Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). – 2019. – № 50(76). – С. 104-109.

[2] Салтыков, К. Г. Смысл правовых категорий / К. Г. Салтыков // Вопросы правоведения. – 2015. – № 1(29). – С. 82-90.

[3] Шашкова, В. Н. Структурно-семантические особенности комплексных номинативных единиц с компонентом «law» / В. Н. Шашкова // Филологический аспект. – 2025. – № 5(121). – С. 112-120.

[4] Белова, М. А. Теории толкования права в современной германской правовой доктрине / М. А. Белова // Российское правосудие. – 2021. – № 9. – С. 13-19.

[5] Гунич, С. В. Системность и точность юридической терминологии в сфере конституционно-правового регулирования / С. В. Гунич // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 7. – С. 41-53.

[6] Шашкова, В. Н. Синонимический ряд наименований соучастников в преступлении в уголовном законодательстве Соединенных Штатов Америки сквозь призму денотативной матрицы / В. Н. Шашкова // Филологический аспект. – 2022. – № 11(91). – С. 123-129.

[7] Бершадский, А. М. Восходящий Синтаксический анализ текстов на естественном языке / А. М. Бершадский, П. А. Гудков, Е. М. Подмарькова // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. – 2021. – Т. 9, № 1(32).

[8] Колышева, К. В. Сложные слова в нормативно-правовых актах / К. В. Колышева // Язык и культура в современном мире : сборник материалов Всероссийской научно-практической студенческий конференции с международным участием, Челябинск, 25–27 апреля 2024 года. – Челябинск: ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2024. – С. 328-331.

[9] Казарина, В. И. Модификатор должен: субмодусы, условия реализации / В. И. Казарина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Т. 14, № 4. – С. 5-17.

[10] Палашевская, И. В. Юридические императивы / И. В. Палашевская // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. – 2010. – № 3(32). – С. 99-104.

[11] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 N 09АП-

16416/2018 по делу N A40-124668/2017. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056 (дата обращения: 12.10.2025).

References:

[1] Nechaev, A.F. Logical and semantic analysis of regulatory legal acts regulating radioactive waste management/A.F. Nechaev, V.V. Proyaev//Izvestia of the St. Petersburg State Technological Institute (Technical University). – 2019. – № 50(76). - S. 104-109.

[2] Saltykov, K. G. Meaning of legal categories/K. G. Saltykov//Issues of law. – 2015. – № 1(29). - S. 82-90.

[3] Shashkova, V. N. Structural and semantic features of complex nominative units with the “law” component/V. N. Shashkova//Philological aspect. – 2025. – № 5(121). - S. 112-120.

[4] Belova, M. A. Theories of the interpretation of law in modern German legal doctrine/M. A. Belova//Russian justice. – 2021. – № 9. - S. 13-19.

[5] Gunich, S.V. Consistency and accuracy of legal terminology in the field of constitutional and legal regulation/S.V. Gunich//Journal of Russian Law. – 2021. - T. 25, NO. 7. - S. 41-53.

[6] Shashkova, V. N. A synonymous series of names of accomplices in a crime in the criminal law of the United States of America through the prism of a denotative matrix/V. N. Shashkova//Philological aspect. – 2022. – № 11(91). - S. 123-129.

[7] Bershadsky, A. M. Ascending Syntactic Analysis of Natural Language Texts/A. M. Bershadsky, P. A. Gudkov, E. M. Podmarkova//Modeling, Optimization and Information Technologies. – 2021. - T. 9, NO. 1 (32).

[8] Kolysheva, K.V. Complex words in regulatory legal acts/K.V. Kolysheva//Language and culture in the modern world: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Student Conference with international participation, Chelyabinsk, April 25-27, 2024. - Chelyabinsk: A. Miller Library CJSC, 2024. - S. 328-331.

[9] Kazarina, V.I. The modifier should: submoduses, conditions for implementation/V.I. Kazarina//Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and intercultural communication. – 2016. - T. 14, NO. 4. - S. 5-17.

[10] Palashevskaya, I.V. Legal imperatives/I.V. Palashevskaya//Scientific notes of the Trans-Baikal State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky. – 2010. – № 3(32). - S. 99-104.

[11] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 15.05.2018 No. 09АП-16416/2018 in case No. A40-124668/2017. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056 (access date: 12.10.2025).

